

01.02.19

АНДРЕЙ СУШЕНЦОВ О ДВОЙСТВЕННОСТИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В воскресенье, 20 января, Дональд Трамп отметит вторую годовщину пребывания на посту президента США. Столь обостренных отношений, как при Трампе (хоть и вопреки его воле), у нас и Америки не было, пожалуй, со второй половины 80-х, когда последовала «разрядка» Горбачева и Рейгана. Однако авторы прогноза «Международные угрозы-2019» из консалтингового агентства МГИМО «Евразийские стратегии» убеждены, что все не так напряженно, как более 30 лет назад. За подробностями мы обратились к руководителю авторской группы, президенту агентства «Евразийские стратегии», одному из ведущих отечественных американистов Андрею Сушенцову.

– Ваш доклад во многом посвящен взаимоотношениям России с США? Есть надежда на их улучшение?

– Российская тема в США продолжит быть одной из ключевых. В какой-то мере ее искусственно подогревают оппоненты Трампа. Впрочем, он и сам ее подогревает своим вызывающим поведением по отношению к демократам. То обстоятельство, что никто не может объяснить причину его победы и сохраняющейся популярности, заставляет верить во вмешательство извне. И уже не важно, как будет реагировать Россия. Такое восприятие в американском истеблишменте устойчиво, и, судя по всему, оно сохранится. Вплоть до очередных президентских выборов ситуация будет оставаться болезненной.

В российской политической среде, в свою очередь, бытует мнение, что необходимо вести коммуникации не только с Белым домом, но и с оппонентами Трампа, с демократами и частью республиканского истеблишмента, которая недовольна президентом США. Однако на сегодня Москва сделала выбор в пользу выжидания, мы

не участвуем в этой внутриамериканской дискуссии.

Проблема в том, что современные российско-американские отношения непоследовательны. С одной стороны, часть американских элит хочет наказать Россию за якобы вмешательство в дела США и побудить ее отказаться от подобных вмешательств в будущем. С другой — они не хотят оттолкнуть Россию настолько, чтобы она сделала окончательный бесповоротный выбор против США и присоединилась к их соперникам. Во всех моих беседах в Вашингтоне я постоянно слышу один и тот же аргумент: вы должны понести наказание за это вмешательство, но вы должны понять, что мы являемся вашими единственными партнерами.

Это, какое-то шизофреническое противоречие проистекает из внутреннего кризиса в США, из того, что американцы не сводят концы с концами в том, что происходит с ними самими. Кризис носит глубокий характер и не будет исчерпан в ближайшие год-два. Российско-американские отношения стали заложниками этого внутреннего кризиса в США. В связи с этим режим санкций будет сохраняться еще долгое время. Допускаю и ухудшение санкционного режима в результате провокаций, связанных с Сирией, Украиной и другими странами и регионами. Сейчас российскую тему можно привязать практически к любому непонятному или труднообъяснимому явлению.

– Режим санкций привел Олега Дерипаску к утрате контроля над его ключевыми активами — «Русалом», «Евросибэнерго» и группой En+. Какие выводы должна сделать на будущее наша бизнес-элита и к чему подготовиться?

– Тот факт, что американцы оставляют «Русалу» возможность выйти из-под санкций, как раз является свидетельством, что они не заинтересованы во фронтальном конфликте с нами. Вместе с тем ситуация с «Русалом» демонстрирует уязвимость тех российских компаний, которые сделали выбор в сторону глобализации и с опорой на активы в США. Видимо, в среднесрочной перспективе эта модель будет осложнена серьезными издержками, и, может быть, даже уже невозможна. Поэтому нашим корпорациям нужно закладывать подобного рода политические риски в процесс внешнеэкономического планирования.

– Тем не менее в вашем докладе утверждается, что никакой «холодной войны» между США и Россией нет. Как тогда охарактеризовать наши текущие отношения?

– Термин «холодная война», действительно, неправильный, он неприменим к пониманию нынешней ситуации. Все, что я сказал выше, говорит о том, что мы не ломаем окончательно отношения с американцами, по крайней мере, на этом этапе. Наверное, из Москвы мы не до конца видим и понимаем, насколько остро американский истеблишмент переживает победу Трампа. Это можно сравнить с эпохой Ельцина в России, которую многие считают неуспешной, а то, что Ельцин искал поддержку на Западе, квалифицируется как предательство. В какой-то мере для части американского истеблишмента нынешний опыт может стать формирующим. Но тут нет основания для фронтального конфликта, каким была «холодная война». Этот конфликт находится, скорее, в эмоциональном спектре, чем в спектре столкновения жизненных интересов.

«Холодная война» была стержневым процессом для всех международных отношений. Все в мире объяснялось через противостояние Советского Союза и США. Между ними

был глубокий идеологический, экономический и стратегический конфликты. Сейчас между Россией и США идет стратегическая конкуренция и, помимо российско-американской стратегической конкуренции, протекает конкуренция между многими центрами сил. Например: США и Китай, США и Германия, США и Турция, Индия и Пакистан, Иран и Саудовская Аравия и так далее. Множественность этих противостояний мешает выделить какой-то один ключевой процесс. Одно ключевое противостояние для всех международных отношений сегодня невозможно. Нынешняя международная система более сложная, сумбурная и непонятная, чем она была в годы «холодной войны». Поэтому для характеристики нынешнего этапа международной системы мы используем термин «неопределенность».

Мы считаем, что фундаментальными являются три ключевых тренда. Первый – это перемещение центра экономической и политической гравитации на Восток: возвышение Китая и Индии. Второй – дезорганизация внутри «коллективного Запада», чьи военно-политические и экономические институты, которые были созданы в годы биполярной системы. Третий – это укрепляющаяся стратегическая автономия все большего числа государств, которые готовы применять силу в отстаивании своих интересов.

С российской точки зрения, это следствие формирующегося нового мирового порядка. Но, несмотря на то что Россия стремится к нему, нам необязательно понравится то, что мы получим в конечном счете. Например, прямым следствием формирующейся полицентричности стал российско-турецкий кризис 2015 года. Мы считали, что Турция – обычный дисциплинированный участник НАТО, страна, которая разделяет культуру сдержанного поведения и сторонится провокаций. Но выяснилось, что Турция – это автономный от США игрок и в военном смысле сила, которая делает что хочет. И таких стран становится все больше.

– Поговорим о горячих для нас сюжетах международной повестки. Вы пишете: «В будущем году мы ожидаем новых провокаций в Сирии, где действуют многие крупнейшие мировые и региональные игроки». Но ведь Дональд Трамп подписал указ о выводе войск из Сирии, а госсекретарь Майк Помпео заявил, что США уничтожили 99% ИГИЛ. Каких провокаций нужно ожидать, с чьей стороны, в чью пользу, с какими целями?

– Трамп действительно подписал указ, но, как уже видно по последним событиям, безусловного выхода США из Сирии не происходит. Сам Трамп декларирует одно, а его окружение может видеть американские интересы иначе. И в конечном счете мы получим ситуацию, когда США будут оставаться влиятельным участником сирийских процессов. Даже если это будет не непосредственное участие, а роль «спойлера» в поддержку своих союзников, в частности Израиля.

В ходе сирийского кризиса мы уже неоднократно видели, как внешние силы использовали разного рода провокации для того, чтобы побудить США предпринять какие-то шаги. Например, инсценируя химические атаки. Мы считаем, что эта константа сохранится и в будущем году и провокации продолжатся. Тем более что в Сирии пересекаются интересы очень многих региональных держав.

– В докладе также сказано «Мы ожидаем новых провокаций и от властей Украины. Эта угроза будет нарастать по мере того, как в Брюсселе и Берлине будет усиливаться разочарование в Украине и ее реформах». Но ведь «инцидент в Керченском проливе» показал, что провокативный потенциал Киева не так уж серьезен...

– Украинское правительство делает ставку на провокации, чтобы вернуть украинский кризис в мировую повестку дня. Это нужно Киеву, потому что от украинского кризиса в мире начинают уставать, на Западе наступило разочарование в попытках провести реформы на Украине. Вернее сказать, от саботажа этих реформ. Но у Украины есть в кармане сильный козырь – «российская агрессия». В прошлом году мы видели несколько украинских провокаций: был убит лидер ДНР Александр Захарченко, инсценирована гибель журналиста Аркадия Бабченко, тот же керченский эпизод.

В целом в этом отношении «послужной список» украинских властей довольно длинный. Маловероятно, что он прекратится в будущем году, особенно с учетом того, что весной Петру Порошенко нужно избираться на следующий президентский срок. У него все меньше времени. Поэтому одна провокация в Керченском проливе послужила поводом для другой – введения военного положения на Украине с целью отсрочить проведение президентских выборов. Пусть это и не удалось в полной мере. Однако не исключено, что в скором времени мы увидим другие подобные провокации.

Но смысл этих провокаций не в том, чтобы как-то стратегически изменить ситуацию, а в том, чтобы создать заметный медийный эффект, привлечь внимание мира к проблемам Украины. Украинские власти в этом деле довольно изобретательны. Поэтому не удивлюсь, если в наступившем году они используют самые нетривиальные способы провокаций.

– **Как вы думаете, может дойти до возобновления активных военных действий?**

– Думаю, структурных условий для этого нет. Но военные провокации, в том числе с человеческими жертвами, продолжатся.

– **Вы скептически относитесь к перспективам ЕАЭС. В докладе сказано, что ему предстоит пережить сложные времена из-за позиции Белоруссии: «Чем сильнее Минск осознает свою экономическую зависимость от России – более значительную, чем у других стран блока, – тем заметнее его попытки снизить российское влияние. Минск не пойдет на разрыв ин-теграционных связей с Россией, но продолжит дистанцирование от нее в политическом и культурном плане, расширяя контакты с ЕС, США и Китаем». Какой может быть реакция Москвы? Поглощение Белоруссии Россией – страшилка для Лукашенко или реальный сценарий?**

– Я думаю, что никакого поглощения не происходит. Это невозможно ни юридически, ни практически. На это даже воли нет – ни у лидеров, ни у населения. Просто происходит инвентаризация Союзного договора, который был подписан больше 20 лет тому назад. Наши руководители пытаются разобрать завалы документов, наверное, впервые так предметно с точки зрения исполнения договора. Они решили фундаментально подойти к этой проблеме и понять, что нужно реорганизовать и нормализовать, чтобы наши экономические проблемы не превращались в ежегодный политический кризис. В силу того что это делается впервые, процесс вызывает определенные трения. Но тезис о поглощении Белоруссии Россией, конечно, глупость.

– В докладе сказано: «Созревают условия для подписания мирного договора между Россией и Японией. Однако, чтобы это произошло, стороны должны найти взаимоприемлемое решение проблемы Курильских островов». Как, по вашему мнению, выглядит это взаимоприемлемое решение?

– Интенсивный диалог между Россией и Японией о заключении мирного договора продолжается уже четвертый год. И российский президент неоднократно посылал сигнал о том, что урегулирование возможно в том числе и на основании декларации 1956 года, согласно которой Советский Союз обязался в качестве жеста доброй воли передать Японии два острова Курильской гряды. Но сделать это можно только после заключения мирного договора, в благожелательной обстановке и на взаимно приемлемых условиях.

Но, видимо, между сторонами еще есть проблема коммуникации. Российские власти под благожелательной обстановкой подразумевают реализацию со стороны Японии пунктов экономического сотрудничества. Прототипом служат российско-китайские отношения, когда две стороны поступательно, идя на различные уступки, вывели свои связи на стратегический уровень. Сейчас российско-китайские отношения находятся, пожалуй, на историческом максимуме.

Сценарий же, когда при помощи торга вокруг этих островов Япония хочет вынудить Россию пойти на какие-либо уступки с отказом от собственных интересов, неприемлем. На протяжении последних лет мы видели такой сеанс односторонней коммуникации, когда японский премьер призывал сделать решительный шаг, имея в виду подписание мирного договора. В конце концов, на последнем Восточном экономическом форуме президент Путин с досадой на японскую спешку «перевернул стол» и сказал: «Давайте совершим этот смелый шаг и подпишем договор без всяких условий». И одновременно попенял японцам за то, что они присоединились к санкционному режиму против России. До этого он никогда подобного не заявлял. Это было свидетельством неудовлетворенности ситуацией.

Сейчас японцы снова транслируют информацию о том, что все идет к подписанию мирного договора, а значит, к передаче островов. Эта информация просачивается в российские СМИ, что вызывает резкую реакцию у нашего населения. С российской стороны идут опровержения, в МИД вызван японский посол, даны разъяснения, что содержание договоренностей двух лидеров трактуется неправильно. Это не означает, что процесс прекращен. Но стороны должны найти какой-то компромисс, чтобы ни одна из них не выглядела, как проигравшая.

– Ваш ежегодный доклад выходит уже шестой раз. И, подводя итог, отмечу, что в этом году вывод в вашем докладе достаточно оптимистичный.

– На наш взгляд, сегодня международная обстановка стабильна и в мире нет условий для глобального столкновения. Мы все живем во внутренне взаимосвязанном мире и являемся благоприобретателями от глобализации: год от года наш мир становится все более безопасным и сытым. То, что сегодня главным инструментом стратегической конкуренции являются провокации, на мой взгляд, лучше, чем когда этим инструментом является война. Провокации рассчитаны прежде всего на медийный эффект, и я предпочитаю медийные войны реальным, хоть экономика нервно реагирует на такие аттракционы эмоций.

В своем докладе мы используем метафору советской электронной игры «Ну, погоди!», в которой волк ловит быстро падающие яйца. В нашем представлении яйца — это кризисы. Эти несколько кризисных лет научили и руководство страны, и граждан приспособливаться к новой нормальности геополитического ускорения, мы научились адекватно реагировать на ускоряющуюся международную ситуацию. Поэтому мой вывод таков: несмотря на санкции и провокации, для России наступивший год будет хорошим.

Оригинальная публикация znak.com

*Источник: **Андрей Сушенцов о двойственности российско-американских отношений***

ОБ АВТОРЕ

Андрей Сушенцов

Президент

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: США, глобальные тренды

Область экспертизы: Ведущий российский политолог-международник, американист. Специализируется на внешней политике США в международных конфликтах. Имеет значительный опыт аналитической работы. Участвовал в прикладных исследованиях по проблемам внешней политики США, конфликтных ситуаций в Закавказье, на Украине, на Ближнем и Среднем Востоке. Исполнял аналитические задачи по заказу Администрации Президента РФ, Министерства иностранных дел, аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, Федерального космического агентства России и др. В своих исследованиях рассматривает сферы конфликтующих интересов России и США в Европе, на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве. Ключевые публикации – монографии «Малые войны США», «Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов», «Россия и мир в 2020 году». Является редактором ежегодного прогноза «Международные угрозы».

Профессиональный опыт: Директор Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», главный редактор журнала «Внешняя политика». Был приглашенным профессором и научным сотрудником в Джорджтаунском университете, Университете Джонса Хопкинса, Свободном университете международных исследований им. Гуидо Карли, Центре Карнеги за международный мир, Гарвардском университете, Мидлберийском институте международных исследований в Монтерее. Член Совета по внешней и оборонной политике и Рабочей группы по будущему российско-американских отношений.

